

Коляска, на рѣзвыхъ рысяхъ, катилась по шоссе, мимо Нескучнаго.

— Не правда ли, прелестный садъ?—окликнулъ ее мужъ:— Зина! ты слышишь?

— Nein?—откликнулась она парижскимъ звукомъ.

— Прелестный садъ!

Она только пожала плечами... Ей уже надоѣло все ему поддакивать. Садъ какъ садъ, и когда они тамъ были, то нашли толпы купцовъ съ купчихами подъ-ручку, и ей было почти противно отъ ихъ туалетовъ, свѣжихъ румяныхъ щекъ и московскаго говора...

Потянулись зданія больницъ, училищъ, пріютовъ; мостовая стала тряскучей, пыль била въ носъ отъ встрѣчныхъ обозовъ и дрожекъ. И цѣлый почти часъ катилась коляска, все съ тѣмъ же трескомъ, поперекъ всего города, переѣхала мостъ черезъ Москву-рѣку и стала подниматься, потомъ спускаться,—дѣлала это не одинъ разъ. И Кремль былъ уже позади, Сухарева, Шереметевская больница... Опять они на шоссе... На немъ еще больше пыли и ѣзды... Свистки желѣзныхъ дорогъ чередуются съ грохотомъ желѣзно-конныхъ вагоновъ, ползущихъ туда же, къ Сокольникамъ, куда они ѣхали на дачу того психіатра, у котораго квартировалъ Мартынъ Лукичъ Ногайцевъ.

ХІІ.

Коляска поднялась съ шоссе въ улицу, гдѣ одинъ только разносчикъ покачивалъ на шланѣ лотоу и выкрикивалъ пѣвуче:

— Садова-а клубника!

Дача доктора-психіатра стояла на дворѣ, передъ палисадникомъ; справа и слѣва было по флигельку. Одинъ изъ нихъ и занималъ Мартынъ Лукичъ Ногайцевъ. Онъ оставался у доктора больше какъ постоялецъ, и часто ночевалъ въ городѣ, гдѣ придется, чаще всего въ „Славянскомъ Базарѣ“.

Дворъ и строенія держались въ чистотѣ.

На крыльцо флигеля вышелъ лакей въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, молодой малый, съ веселымъ, бритымъ лицомъ. Онъ и высадилъ ихъ.

— Кто здѣсь?—спросилъ его Рынинъ.

— Господинъ Лукашинъ.

Зина уже знала, что Лукашинъ здѣсь ее ждетъ; она ему по-